

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

М. И. Левин

докт. экон. наук, профессор Научно-исследовательского университета — Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) и Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС)

Н. В. Шилова

канд. экон. наук, преподаватель Научно-исследовательского университета — Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) и Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МАНИПУЛИРОВАНИЯ КСЕНОФОБИЕЙ¹

Работы по истории и политической науке при описании исторических событий (или их версий) в ряду предпосылок, приведших к этим событиям, часто обозначают некоторое «состояние умов», «эмоциональную атмосферу общества», просто «политическую ситуацию» или «народные настроения». Считается, что политик, умеющий обратить себе на пользу определенную общественно-психологическую ситуацию, может резко поднять свою поддержку в обществе даже без разработки каких-либо экономических программ, программ социальных преобразований и прочего. Таким образом, например, может работать механизм политической провокации — намеренная подготовка общественного мнения к принятию некоторых (сначала непопулярных) решений. При этом экономическая наука, научившись с помощью построения теоретических моделей описывать некоторые явления в политической жизни общества, в том числе, например, выборы (см., например, о выборах и ксенофобии у (Lee, Roemer, Straeten, 2005)), создание партий и блоков, не рассматривает случаи провокаций, поскольку провокации, будучи «нерегулярным» явлением, апеллируют к той части человеческого сознания, которую сложно описать в терминах рациональности. Тем не менее в этой статье мы попытаемся это сделать. Мы представим теоретическую модель политической провокации с использованием ксенофобии и покажем, почему такая провокация может удалась.

Начнем с относительно недавних и хорошо всем знакомых исторических примеров, связанных с личностью А. Гитлера. Гитлер умело нагнетал обстановку в Германии 1930-х гг., не мешая штурмовикам Э. Рема все более беззащитно грабить и убивать и брать взятки за «защиту». Рем фактически был вторым человеком в Германии после Гитлера, но убийства и грабежи напрямую с Гитлером не связывались. В 1932 г. штурмовиков Рема было уже около четырех миллионов человек, и их «активностью» стали недовольны не только обычные граждане, но и армия. По некоторым версиям, Гитлер дождался, когда накал недовольства действиями штурмовиков станет таким, что их уничтожение позво-

¹ Представленная работа выполнена при грантовой поддержке факультета экономики Научно-исследовательского университета Высшая школа экономики. Авторы приносят глубокую благодарность В. П. Бусыгину и М. Л. Фрееру за ценные советы.

лит ему получить дополнительную поддержку. Это и произошло после «Ночи длинных ножей» 30 июня 1934 г., после которой Гитлер стал казаться единственным человеком, способным поддерживать порядок в стране. Еще раньше, 27 февраля 1933 г., Гитлером в тех же целях был использован поджог Рейхстага. Сразу же в ночь на 28 февраля было арестовано около десяти тысяч коммунистов, социал-демократов и сочувствующих. Позже, в 1935 г., Гитлер сумел убедить в том, что «красная угроза» неминуемо приведет к самым худшим последствиям и только он спасет народ от большевиков, более 90% жителей Саарской области (есть версия о том, что результаты голосования были сфальсифицированы), которые проголосовали за присоединение к Германии в ходе плебисцита, и это стало мощнейшей победой Гитлера на идеологическом фронте. Распространение ненависти к евреям и жесткие шаги по решению еврейского вопроса — точно такая же идеологическая провокация.

Все эти события объединяет то, что рост популярности каждый раз происходил на волне ненависти и насилия, на волне обещаний об усмирении этого насилия. При этом нельзя было бы говорить о росте экономического благополучия граждан или расширения их свобод — удар приходился каждый раз в направлении самой базовой человеческой потребности: собственно в потребности жить и чувствовать себя защищенным. Более того, указывался конкретный враг, который угрожает исполнению этой потребности: большевики, евреи, даже распоясавшиеся штурмовики.

Подобные исторические примеры можно приводить и далее как из новейшей истории, так и из более ранних времен. Естественно, что вопрос о том, была ли такая провокация намеренной или политик воспользовался «удачным» моментом, часто остается открытым, ибо не всегда есть соответствующие документы. К сожалению, нельзя воспользоваться как историческим документом фразой, вложенной А. С. Пушкиным в уста Шуйского: «Давай народ искусно волновать». Тем не менее идея о возможности такого манипулирования в политической науке считается общепринятой, и из этого мы и будем далее исходить.

Однако остается открытым вопрос, почему при таком манипулировании используется именно страх перед некоторым (реальным или искусственно созданным) врагом, т. е. ксенофобия? На эту тему также существует много работ¹, и здесь мы приведем краткий список плюсов ксенофобии с точки зрения политика.

Во-первых, поведение ксенофоба кажется ему самому вполне рациональным. Можно быть высокообразованным человеком и при этом ксенофобом, не видя в этом никаких противоречий. Это позволяет политику найти поддержку во всех слоях населения.

Во-вторых, людям свойственно отделять себя от других, и это есть эволюционный механизм, заложенный в человеке. Выделение своих и чужих может происходить по какому угодно признаку, поэтому политик может «помочь» людям, обозначив такие признаки и убедив в существенности отличий. Он может выбрать любую группу людей, которые ему будут в дальнейшем удобны для направления на них общей ненависти.

В-третьих, отделив чужих и наделив их свойством опасности, люди таким образом группируют своих, фактически создавая то, что в экономической науке принято называть клубным благом — внутриклубные связи и отношения, доступные только членам клуба. К таким клубным благам относится, например, религия, о чем подробно пишет в своей работе Иннаккон (Innaccone, 1998; Innaccone, Verman, 2006). Политик, возглавив такой клуб, получает практически неограниченный доступ к клубному благу.

¹ Подробный обзор см. в работах: (Левин, Шилова, 2009; 2012).

В-четвертых, наличие других позволяет легко списать все ошибки и просчеты на этих других. Это позволяет и самому ксенофобу, и политику не чувствовать себя неполноценными, насилие по отношению к другим повышает чувство собственного достоинства ксенофоба, а политику позволяет увеличить собственную популярность.

В-пятых, насилие и ненависть хорошо «продаются», дают яркие информационные поводы. Поэтому СМИ здесь всегда играют на стороне политика, даже если они специально к этому не стремятся.

И наконец, информация о ненависти и насилии содержит всегда не только собственно фактическую составляющую, но и эмоциональную, и если факты человек способен спокойно и рационально обдумать, то эмоции читаются им неосознанно и так же неосознанно воспринимаются. Поэтому распространение ксенофобии зачастую сродни распространению инфекционного заболевания — она распространяется из очага инфекции практически воздушно-капельным путем, т. е. в нашем случае через общение людей друг с другом.

В чем же может состоять политическая манипуляция? М. Урнов пишет о том, что для человека необходимо чувствовать уверенность в себе и людях, которые его окружают, в собственном будущем (менее важно будущее собственных детей) (Урнов, 2008). В случае если у него все это есть, он доволен и вряд ли будет нуждаться в резких поворотах политического курса. Манипуляция со стороны политика — это реальное или вымышленное уничтожение таких «уверенностей», причем не собственными руками. Покажем, как это можно описать в рамках теоретической модели.

Рассмотрим модель частичного равновесия, в которой действует большинство и меньшинство. Большинство уверено в себе и получает полезность U^j с ростом потребления частных товаров и услуг q^j , а также нуждается в безопасности, при этом потребление товаров и услуг представителем большинства зависит от того, сколько времени он тратит на работу:

$$\begin{cases} U^j(q^j, v) \rightarrow \max, \\ pq^j \leq w^j T, \end{cases} \quad (1)$$

где v — это уровень насилия в обществе; T — запас времени; w^j и p — соответственно ставка заработной платы и цена частных благ. Пусть при этом

$$\frac{\partial U^j}{\partial v} < 0, \quad \frac{\partial U^j}{\partial q^j} > 0.$$

Меньшинство по какой-то причине страдает от того, что его чувство собственного достоинства ущемлено. Если оно будет расти, то полезность, получаемая представителем меньшинства, тоже будет расти. При этом его чувство собственного достоинства определяется принадлежностью к некой группе людей, которые этой принадлежностью дорожат и гордятся. Например, представителю меньшинства приятно читать нацистскую литературу, но если ее читает только он, это не даст ему полезности — он ее получит, только обсуждая прочитанное в кругу друзей-нацистов. Опишем задачу представителя меньшинства:

$$\begin{cases} U^i(q^i, \chi^i(s^i, s^{-i})) \rightarrow \max, \\ pq^i \leq w^i t^i, \\ \gamma^i s^i \leq \tau^i, \\ t^i + \tau^i = T. \end{cases} \quad (2)$$

Здесь U^i есть функция полезности представителя меньшинства, зависящая от потребления им товаров и услуг q^i , а также от его чувства собственного досто-

инства (самоуважения) χ^i , которое, в свою очередь, зависит от сигналов — действий самого индивида s^i и других членов «клуба» s^{-i} . Пусть $\frac{\partial U^i}{\partial q^i} > 0$, $\frac{\partial U^j}{\partial \chi} > 0$.

Таким образом, представитель меньшинства распределяет время T между работой t^i и, например, участием в избиваниях евреев τ^i , что в нашем случае и есть «сигнал». Цены на товары, ставка заработной платы и возможная плата за насилие (например, штраф) обозначены соответственно как p , w^i и γ^i . Тогда насилие, распространяемое в обществе, есть функция от таких сигналов:

$$v = \Phi(s^1, \dots, s^i, \dots, s^N), \quad \frac{\partial \Phi}{\partial s^i} > 0, \quad v \geq 0. \quad (3)$$

Решая одновременно задачу двух представителей большинства и меньшинства, мы получим некоторое состояние мира, которое есть равновесное распределение товаров и услуг, а также насилия:

$$(\hat{q}^i, \hat{s}^i, \hat{\chi}^i = \chi(\hat{s}), \hat{v}, \hat{q}^j), \quad i \in A, \quad j \in \bar{A}. \quad (4)$$

Результирующие косвенные функции полезности:

$$\tilde{U}^i(p, w^i) = U^i(\hat{q}^i, \chi^i(\hat{s}^i, \hat{s}^{-i})), \quad \frac{\partial \tilde{U}^i}{\partial p} < 0, \quad \frac{\partial \tilde{U}^i}{\partial \gamma^i} < 0, \quad \frac{\partial \tilde{U}^i}{\partial w^i} > 0;$$

$$\tilde{U}^j(p, w^j, \hat{v}) = U^j(\hat{q}^j, \hat{v}), \quad \frac{\partial \tilde{U}^j}{\partial p} < 0, \quad \frac{\partial \tilde{U}^j}{\partial w^j} > 0.$$

Теперь рассмотрим политика, который решает свою собственную задачу — максимизирует собственную популярность P . Его популярность, как это часто бывает, зависит не от того, насколько «хорошо» людям сейчас, но от того, как уровень их удовлетворения вырастает с его приходом. В нашей модели важно то, что он ориентируется на тех, кто может привести его к власти, и именно так в нашей модели определяется большинство — это та часть населения, мнение которой для политика критично, та часть, роста популярности в среде которой он ждет. Таким образом, $P \sim \frac{\partial \tilde{U}^j}{\partial v} \Delta v$.

Рассмотрим следующий рисунок (рис. 1).

По горизонтальной оси отложен уровень насилия в стране, по вертикальной — уровень удовлетворения ситуацией со стороны большинства. Допустим, в некоторый момент времени общество находилось в точке B . В ней уровень насилия был низким, а удовлетворение — высоким. Однако если в этой точке немного снизить уровень насилия, то рост уровня удовлетворенности будет небольшим.

Теперь предположим, что политику удалось в результате некоего «шока» довести ситуацию до той, что мы видим на графике в точке A . В этой точке уровень

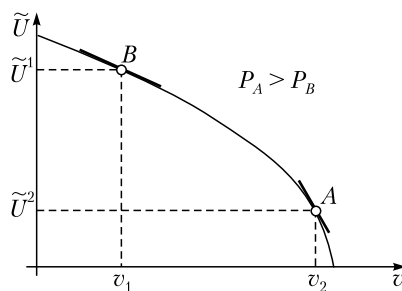

Рис. 1. Политическая манипуляция удается

насилия высок, а уровень удовлетворенности низок. Теперь, если политику удастся даже немного снизить уровень насилия, его популярность резко возрастет, потому что в силу свойств функции полезности представителя большинства уровень удовлетворенности вырастет гораздо сильнее, чем это было в точке *B*.

Еще раз повторим, что для того эффекта, который мы здесь описали, необходимо, чтобы функция полезности большинства обладала именно такими свойствами: чем больше уровень насилия, тем быстрее падает удовлетворенность людей от такой жизни. Действительно, такое предположение вполне обоснованно. Когда речь идет о спасении жизни, никто уже не думает о сохранении материальных ценностей, а ведь насилие, развернувшееся против одной группы населения, быстро перерастает во всеобщее, порождая атмосферу постоянного страха, устремляя людей к поиску спасителя.

Тем не менее все не так просто. Не все провокации удаются. Великая французская революция обернулась несчастьем для собственных устроителей. Почему это так? На наш взгляд, одна из причин в том, что политик не обладает полной информацией о свойствах целевой функции большинства. Простейший противоположный пример представлен на рис. 2. На этом рисунке, как легко понять, полезность, получаемая представителем большинства, также падает с ростом насилия, однако все медленнее. Такое также возможно, если, например, представители большинства сами начинают получать некоторую выгоду от насилия.

Итак, мы представили теоретическую модель, описывающую существующий политический феномен: манипуляцию с использованием ксенофобии. Модель

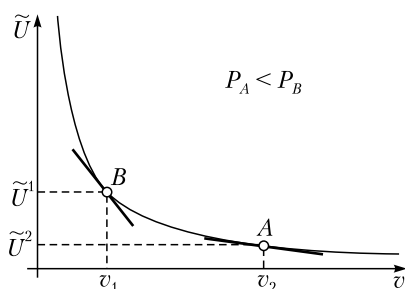

Рис. 2. Политическая манипуляция не удается

легко расширяется до рамок модели общего равновесия с производством, уровень которого отрицательно зависит от уровня насилия, а с помощью механизма гибких цен определяются состояния равновесия. Конечно же, и политик соизмеряет всегда свои выгоды с возможными потерями, но делает это он в условиях несовершенной информации, когда его ожидания относительно вероятностей наступления разных состояний мира отражают не реальное положение дел, а его субъективную их оценку, что позволяет не усложнять анализ еще более.

Источники

Левин М. И., Шилова Н. В. Дискриминация по этническому признаку как следствие ксенофобии: основные направления исследования // Экономическая политика. 2012. № 6. С. 171—180.

Левин М. И., Шилова Н. В. Экономические аспекты ксенофобии // Финансы и бизнес. 2009. № 4. С. 20.

Урнов М. Ю. Эмоции в политическом поведении. М., 2008.

Cameron S. The Economics of Hate. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar Publishing, 2009.

Innaccone L. R. Introduction to the Economics of Religion // Journal of Economic Literature. 1998. Vol. 36. N 3. P. 1465—1495.

Iannaccone L. R., Berman E. Religious extremism: The good, the bad, and the deadly // Public Choice. 2006. Vol. 128. N 1. P. 109—129.

Lee W., Roemer J., Van der Straeten K. Racism, Xenophobia, and Redistribution // Journal of the European Economic Association. 2005. Vol. 4. N 2—3. P. 446—454.